

ческих и этнографических группах мордвы. Н. И. Шатинова проанализировала бытование обычаев избегания и гостеприимства у современных алтайцев, а также их отношение к этим обрядам.

Р. А. Григорьева на материалах опроса белорусского сельского населения Латгалии показала, что даже такой, казалось бы, уходящий в прошлое элемент этнической культуры, как национальная кухня, может оказаться «в фокусе» национального самосознания, особенно среди интеллигенции (с. 138).

Анализ основных конструктивных элементов жилища по материалам Межозерья — одной из этнографических зон Северо-Запада РСФСР — позволил З. И. Строгалыцкой доказать, что в основе типологии жилища должна лежать конструктивно-плановая схема дома, так как этот фактор в значительной степени определяет и другие элементы постройки.

Статьи Е. И. Клементьева и И. А. Мардосы, замыкающие сборник, можно отнести скорее к этносоциологическим, чем к этнографическим. В первой из них описывается межпоколенная динамика некоторых характеристик культурного облика карельского городского населения Карельской АССР по материалам обследования 1972 г. Для работы И. А. Мардосы, посвященной процессам приобщения литовского сельского населения к изобразительному искусству, характерен социально-проблемный подход к изучению проблемы. Отмечая в целом позитивный характер этого процесса, автор вместе с тем выделяет ряд нерешенных проблем. Главная из них — значительная дифференциация в потреблении культурных ценностей в различных социально-профессиональных группах. Так, например, высококачественные художественные произведения приобретаются, по данным автора, в основном семьями квалифицированных работников, сельской интеллигенции; в то же время «и среди сельских жителей, и среди горожан имеется тенденция вложить капитал в более престижные, по их мнению, вещи, характеризующие состоятельность семьи (хрусталь, сервизы и проч.)» (с. 183). Большое практическое значение имеет полученный автором вывод, что «ценностные ориентации населения больше направлены не на профессиональное искусство, а на современные национальные формы, в чем-то продолжающие традиции народного искусства» (с. 185). Этот вывод мог бы дать возможность более целенаправленно развивать предприятия художественного промысла в республике. Получить целостную картину указанных ориентаций по всем слоям сельского населения республики было бы невозможно без использования массовых источников и статистических методов их анализа. Таким образом, на примере данной статьи раскрывается еще одна положительная сторона статистического подхода к этнографическим исследованиям — более широкая возможность изучения практически значимых массовых процессов в развитии этнической культуры.

Из сказанного ясно, что большинство статей сборника содержательно и информативно. Вместе с тем значимость перечисленных исследований для развития теоретической этнографии могла быть значительно выше, если бы их авторы целенаправленно стремились к верификации теоретических гипотез, не ограничиваясь описанием статистических распределений. В основном это замечание относится ко второму разделу сборника. Однако неопределенность теоретических ориентаций в ряде статей сборника — скорее неизбежная «болезнь роста» статистических исследований в этнографии, чем ее «врожденный порок». Думается, все интересующиеся развитием этнографии и этносоциологии получили очень полезную работу, которая, несомненно, окажет заметное влияние на развитие этих научных дисциплин.

А. А. Сусоколов

С. Ш. Гаджиева. Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX в. М.: Наука, 1985. 358 с.

Изучение семьи и семейного быта народов Дагестана имеет давние традиции. Однако несмотря на целый ряд интересных трудов по этой проблеме, многие ее аспекты еще не исследованы полностью.

В рецензируемой монографии автор поставил целью рассмотреть семейный быт не по отдельным дагестанским этносам, как это имело место в предшествующих работах, а на общедагестанских материалах.

Монография С. Ш. Гаджиевой — многоплановый труд, в котором прослеживаются общие закономерности и специфические особенности развития дореволюционной семьи, форм семейного быта и семейной обрядности народов Дагестана. Основываясь на обширных архивных, литературных, фольклорных и прежде всего лично собранных полевых этнографических материалах, автор анализирует большой круг вопросов — от социальных и социально-психологических основ семьи, численного и поколенного ее состава, хозяйственных и общественных функций до общественно-правового и семейно-правового положения членов семьи. Часть монографии занимает детальная характеристика семейной обрядности. Изучая общее в семейном быту народов Дагестана, автор выявляет также локальные особенности в развитии семьи отдельных этносов этого региона, обусловленные характером их исторического развития.

Структурно монография включает Введение, пять глав, список информаторов и список сокращений. Работа иллюстрирована фотографиями и рисунками, объединенными в 17 таблиц.

Хронологически исследование охватывает в основном XIX — начало XX в. Но в работе нередки экскурсы в предшествующие исторические периоды. В пятой, заключительной главе кратко характеризуются социалистические преобразования семейного быта дагестанских народов.

Три основные главы монографии (со второй по четвертую) посвящены трем важным и недостаточно разработанным на кавказских материалах проблемам: неразделенной (с. 24—85) и малой семьям (с. 85—143), семейным обычаям и обрядам (с. 143—345). Первая глава содержит обобщенную социально-экономическую характеристику Дагестана в XIX — начале XX в.

Исследуя неразделенную семью (глава вторая), автор рассматривает причины ее сохранения или распада как в условиях высокогорного, так и равнинного Дагестана. С. Ш. Гаджиева возражает против довольно распространенного в кавказоведческой литературе мнения, согласно которому степень сохранности неразделенной семьи была большей в высокогорных районах. Автор справедливо считает, что ее стабильность была большей в равнинной зоне. Этому способствовали некоторые хозяйственные и социальные особенности равнины: трудоемкость земледельческих работ, орошение, образование крупных хозяйств, этнические традиции местного субстрата, возможно кочевников.

В третьей главе монографии рассмотрена малая семья, ее генезис, прослежена тесная связь с неразделенной семьей. В малой семье, как и в неразделенной, внутрисемейные отношения характеризовались значительной патриархальностью. Вместе с тем быт малых семей (главным образом в горных селах) уже во многом отличался от патриархального быта неразделенной семьи. Так, более самостоятельной семья стала в хозяйственном отношении, и, поскольку основные работы выполнялись женщиной, она обрела в семье большую права, возросла ее роль как хозяйки и матери. Эта ситуация менялась в равнинных селах. Здесь в пореформенный период некоторая механизация сельского хозяйства, наличие дешевой рабочей силы привели к меньшей занятости женщины в хозяйстве, что меняло ее статус в семье.

В этой главе интересен специальный раздел, посвященный традиционному воспитанию детей в дагестанской семье. Автор акцентирует внимание на трудовом воспитании, прослеживая особенности воспитания мальчиков и девочек. Важным в воспитании горцев всегда было воспитание чувства патриотизма, верности, мужества, уважения к старшим и немощным. Вместе с тем С. Ш. Гаджиева отмечает, что гипертрофированные традиции уважительности способствовали возникновению своего рода пропасти между старшими и младшими, сковывали инициативу младших, вырабатывали в них определенную инертность, что более всего было характерно для женской части населения.

Часть этого раздела освещает обычай атальчества, распространенный в XVIII—XIX вв. в феодальной среде, особенно в равнинном Дагестане. Хотя объем этого исследования невелик (всего несколько страниц), тем не менее обращение автора к обычаю атальчества на дагестанских материалах представляется интересным, поскольку такие материалы обобщены и проанализированы в кавказоведческой литературе впервые.

Четвертая глава работы посвящена циклу семейной обрядности — свадебной, родильной, похоронной. Здесь же исследуются (хотя и не так детально) традиции обычаев гостеприимства, куначества и кровной мести. Во всех разделах данной главы конкретное изучение этнографических материалов конца XIX — начала XX в. сочетается с анализом истоков существующих явлений, предшествующих форм, их генезиса, с истолкованием многих явлений и институтов брака и свадьбы. Так, оформление брака в доме невесты, пребывание ее после обручения в отцовском доме, вступление в супружеские отношения, происходившие там же, рассматриваются автором как реликты матрилокального брачного поселения (с. 174, 218—219).

Очень широко и в целом удачно в этой главе привлечен обрядовый фольклор. С. Ш. Гаджиева демонстрирует отличное его знание и умелое использование в исследовательских целях.

Один из разделов этой же главы посвящен характеристике калыма, кебина и приданого (с. 177—190). Автор дал свою интерпретацию многих аспектов этой проблемы. Удачно прослежена трансформация названных социальных институтов во второй половине XIX — начале XX в., когда грань между калымом и кебином почти стирается и постепенно калым видоизменяется в кебни. Происходил и другой процесс. С разложением неразделенной семьи усиливалась тенденция к сокращению калыма и увеличению приданого. В малой семье калым все более отождествлялся со свадебными расходами и приданым.

Несомненный интерес представляет раздел «Гостеприимство, куначество, кровная месть» (с. 312—344). Автор показывает социальную сущность этих институтов, роль гостеприимства и куначества в хозяйственной и политической жизни, значение в развитии контактов с другими народами, в том числе с русскими.

Как всякий многоплановый фундаментальный труд, монография С. Ш. Гаджиевой не лишена некоторых недочетов. За рамками исследования остались некоторые важные вопросы, которым, видимо, следовало бы уделить большее внимание, например генезис обычаев атальчества, кровной мести. Слишком категорично устанавливает автор прямую зависимость процесса распада большой семьи и отходничества. Нередко кумыкский этнографический материал экстраполируется на весь Дагестан.

В заключение хочется подчеркнуть, что монография С. Ш. Гаджиевой представля-ет несомненный вклад в этнографическое дагестановедение, в изучение сложной и актуальной проблемы семьи и семейных отношений.

М. О. Османов, А. Р. Шихсаидов

Э. В. Померанцева. Русская устная проза/Сост. Смолицкий В. Г. М.: Просвещение, 1985. 272 с.

Самая точная оценка рецензируемого сборника дана в его предисловии, написанном акад. Д. С. Лихачевым: «Книга учит..., каким должен быть исследователь фольклора». Значение личности Э. В. Померанцевой для фольклористики вовсе не исчерпывается научными работами, написанными ее рукой и опубликованными под ее фамилией. Неоценимый вклад в развитие науки о народном творчестве она внесла своим благотворным влиянием на других, редким даром объединять людей общей целью, заботой о выяснении научной истины. Для многих советских фольклористов, работающих в разных республиках и городах СССР, Э. В. Померанцева — учитель. Ее учениками называют себя не только те, кому посчастливилось быть ее студентами и аспирантами, авторами отредактированных ею работ, но и многие другие, которых заразили ее идеи и увлеченность наукой. До последних своих дней Э. В. Померанцева пристально следила за поисками своих учеников, радовалась их успехам, поддерживала, поправляла и спорила. Глубоко символично, что ее посмертная книга обращена к молодежи — к будущим филологам. Составитель сборника В. Г. Смолицкий и издательство «Просвещение» заслуживают признания и от фольклористов — за новую встречу с работами Э. В. Померанцевой.

В сборнике нашли отражение работы Э. В. Померанцевой, обращенные к специалистам по фольклору и этнографии (ее доклад на V Международном съезде славистов, главы из монографий «Судьбы русской сказки» и «Мифологические персонажи в русском фольклоре», статьи, опубликованные в научных сборниках), а рядом представлены отрывки из книги, которая ею была написана для широкого круга читателей. Нам представляется, что такое совмещение вполне закономерно, так как научное исследование фольклора и его популяризация органично слились в деятельности Э. В. Померанцевой. Занимаясь любой проблемой, она опиралась на свой поистине огромный опыт собирателя фольклора, на впечатления от общения со многими рассказчиками, на наблюдения жизни народных произведений и стремилась уяснить, что самое ценное в этом наследии, что и сейчас, и в будущем может служить духовному обогащению советских людей. До широкого читателя она доносила результаты научных изысканий, не снижая теоретического уровня изложения, в доступной форме раскрывала сложность и глубину фольклорных явлений. Так современным людям возвращалась древняя народная культура. Э. В. Померанцеву занимало использование фольклора в профессиональном искусстве и литературе (ее работы по этим проблемам, не вошедшие в рецензируемый сборник, также заслуживают внимания как фольклористов, так и писателей).

В сборнике представлены исследования, посвященные русской народной прозе — главной области научных интересов автора. Занимаясь этой тематикой, Э. В. Померанцева обогатила советскую фольклористику новыми идеями и новыми приемами изучения, одной из первых ставила вопросы, в решение которых включились затем многие исследователи. Нам хочется обратить внимание лишь на некоторые идеи сборника «Русская устная проза», подхваченные многими фольклористами и, бесспорно, плодотворные для развития науки.

Для Э. В. Померанцевой как ученого характерно историческое и диалектическое мышление: фольклорные явления она всегда рассматривала в развитии, чутко улавливала их внутренние противоречия, взаимосвязь и взаимообусловленность. Она полагала, что творческая жизнь сказки продолжается до тех пор, пока произведение живет в репертуаре народных исполнителей. Это мнение основано на многочисленных наблюдениях, сделанных во время экспедиций, на знании множества вариантов одного и того же сюжета — не только опубликованных, но и обнаруженных в архивах. На той же прочной основе реальных фактов сделаны и выводы об изменчивости сказок и их одновременной стабильности, о соотношении в них индивидуального и коллективного начал. В работах Э. В. Померанцевой сказки предстают как живые организмы, тесно связанные с жизнью создавшего их народа, отражающие ее изменения. На конкретных примерах показывая новации отдельных сказочников, отпечаток их личности, индивидуальные особенности стиля, Э. В. Померанцева одновременно ощущала и ту основу, без которой немыслима дальнейшая жизнь произведения, основу, которая проявляется во всех вариантах, не вышедших из-под контроля еще живой традиции.

В связи с этим вполне естественным и закономерным выглядят повышенный интерес исследовательницы к проблеме варианта, высокая оценка каждой новой записи фольклорного произведения. Такая позиция последовательно выдержана не только в ее сказковедческих работах, но и в поистине научном подходе к собиранию сказок и фольклора вообще, в комментировании изданных ею текстов.

Э. В. Померанцева не замыкалась на русском или славянском материале. Расширению тематики способствовали хорошее знание европейских языков, постоянное общение и обмен информацией с фольклористами союзных и автономных республик, зарубежными коллегами. Сопоставительный анализ множества разноязычных текстов — вариантов одного сюжета сказки о неверной жене — позволил автору наглядно и убедительно продемонстрировать сходство и различие произведений мирового фольклора